

Н. А. Сергеева

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ: Ф. В. БУЛГАРИН И В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Издательство «Эксмо», Российская Федерация, 125252, г. Москва, ул. Зорге, 1

Термины «классика» и «неклассика» широко распространены в современном литературоведении, однако вопрос о том, какие произведения можно признать классическими, а какие нельзя, до сих пор остается открытым. В статье предпринимается экспериментальная попытка выявить общие черты неклассических литературных прозаических текстов на примере творчества Ф. В. Булгарина и В. Ф. Одоевского. Эстетические взгляды авторов кардинально отличались, в исследовании анализируются тексты, между которыми, казалось бы, не может быть никакого сходства: нравоописательные очерки Булгарина, созданные в 1820-е и 1840-е годы, и цикл Одоевского «Русские ночи» (1843). Анализ структуры этих произведений позволил выделить основные признаки прозаического неклассического текста. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: В. Одоевский, Ф. Булгарин, нравоописательные очерки Ф. Булгарина, «Русские ночи», классика, неклассическая проза, фикциональность, художественный дискурс, нарратология.

REVISING THE CHARACTERISTICS OF THE NON-CLASSICAL PROSE: F. V. BULGARIN AND V. A. ODOEVSKY

N. A. Sergeeva

Publishing house “Eksmo”, 1, Zorgest., Moscow, 125252, Russian Federation

In modern literary science the “classic” literature is generally distinguished from the “non-classic”. Though, there is still not clear what literature should be called non-classic. In current paper we make an attempt to find some features common for non-classic prose using writings of F. V. Bulgarin and V. F. Odoevsky as examples, because their aesthetic ideas were quite different and both names are not well-known for modern reader. Our material is represented with two texts that could seem to have nothing in common with each other — didactic essays created by Bulgarin in 1820s and 1840s, and Odoevsky’s series “Russian nights” (1843). Analysis of the text structure shows the basic characteristics of a non-classic prosaic text. Refs 18.

Keywords: V. Odoevsky, F. Bulgarin, didactic essays by F. Bulgarin, “Russian Nights”, classics, non-classic literature, fictionality, fictional discourse, narratology.

Вопрос о том, что такое классика, кажется решенным. В итоговом для конца XX века сборнике «Классика и современность», концептуализирующем размышления ученых над проблемой классичности, под классикой понимаются образцовые произведения, ставшие эталоном для своей и последующих эпох. Их ценность отражается в том, что они приобретают «всеобщее (общечеловеческое) и до известных пределов вневременное (общественно-историческое) значение» [Кондаков, Кондаков, с. 21–22].

Такое довольно общее определение было дополнено литературоведами с помощью противопоставления классики и беллетристики. По словам В. М. Марковича, этим двум понятиям соответствуют «не сплошные массивы, а некие полярности, к которым в большей или меньшей степени тяготеют отдельные литературные явления» [Маркович, с. 55]. В отличие от беллетристики, замкнутой на злободневных темах, классические произведения соединяют проходящее и универсальное, созда-

вая у читателей «ощущение открытых горизонтов и непредсказуемости» [Маркович, с. 63].

Наряду с таким «филологическим» определением классики существует и другое. Оно появилось относительно недавно в связи с развитием междисциплинарных исследований, возникновением интереса к социологии литературы и — шире — антропологическому подходу в гуманитарных науках. Социологи литературы дают определение классики, обращая внимание не столько на содержание текстов, сколько на их функционирование в обществе: этим понятием «описывается статус, которым человек, произведение, учение обладают не только в узко академических рамках, но и в более широкой социокультурной среде: в школе, в свете, в массмедиа, в общественном мнении» [Зенкин, с. 281]. По словам А. В. Михайлова, «классическое наследие, как ни понимать его, очевидно, есть нечто движущееся и изменяющееся со временем, не постоянное...» [Михайлов, 1991, с. 149].

Таким образом, категории «классическое» и «неклассическое» могут быть рассмотрены с точки зрения актуальности предложенных конкретными авторами представлений о литературе — о ее форме, ее задачах, о ее месте в системе культуры — для процесса литературного развития, вплоть до актуальности этих представлений для современной культуры, для широкого круга читателей, а не только специалистов.

Несмотря на теоретическую разработанность проблемы классичности, вопрос о том, какие произведения можно признать неклассическими, обычно остается за рамками исследований. Тексты авторов, чьи имена не имеют широкой известности в современном обществе, описываются учеными по тем же критериям, что и сочинения классиков. В результате специфика неклассических текстов остается до сих пор не понятой. Эта статья — экспериментальная попытка выявить общие черты неклассических литературных, в данном случае прозаических, произведений.

Под неклассической прозой здесь будут пониматься тексты, не вошедшие в современный литературный канон и выделяющиеся на фоне своей эпохи в силу того, что их авторы обладали системой особых эстетических представлений и создавали произведения с определенной практической целью.

Для того чтобы выявить универсальные признаки неклассической прозы, необходимо обратиться к творчеству авторов, чьи взгляды на литературу кардинально отличались. В первой половине XIX века такими антиподами были Ф. В. Булгарин и В. Ф. Одоевский.

Булгарин ориентировался на широкую демократическую аудиторию, продолжая традиции просветительских журналов Н. И. Новикова. Его полемика с «литературными аристократами» была вызвана желанием угодить не узкому кругу литераторов, а так называемой публике. В записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще» (1826) Булгарин указал на приоритетную для него аудиторию. Он писал для «среднего состояния» российских читателей: служащих дворян, помещиков, чиновников, богатых купцов и мещан [Булгарин, 1998, с. 46].

Напротив, за Одоевским прочно закрепилась репутация аристократа-интеллектуала и писателя «не для всех»¹. Литература служила для него площадкой, с ко-

¹ Ср. высказывание В. Г. Белинского: «Его сочинения таковы, что могут или сильно нравиться, или совсем не могут нравиться, потому что годятся не для всех» [Белинский В. Г. Сочинения князя Одоевского // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 310].

торой он обращался к читателям с философскими рассуждениями, поднимал значимые общественные вопросы.

В 1820-е годы он, будучи одним из редакторов «Мнемозины», вступил в литературную полемику с Булгариным, который не принимал философские штудии молодого князя и говорил ему, что «у России нет потребности в метафизическом философствовании» (цит. по: [Акимова, с. 22]).

Обобщая, можно обозначить конфликт Булгарина и Одоевского как спор между утилитаристом и идеалистом.

Впрочем, время примирило литературных противников. Сегодня творчество обоих является «плюсquamперфектом» [Кондаков, Кондаков, с. 43] современной художественной культуры: их имена не вошли в канонический² список авторов, ставших символом национальной литературы. Их сочинения значимо отсутствуют в школьной программе по русской литературе в 9–11 классах и не включены «в индустрию досуга и развлечений» [Дубин, с. 441–442], то есть в те области, в которых классика активно эксплуатируется. Кроме того, в структуре текстов писателей есть общие черты, которые можно признать универсальными для неклассической прозы.

Материалом для этого вывода послужили тексты, между которыми, казалось бы, не может быть никакого сходства, — нравоописательные очерки Булгарина, созданные в 1820-е и 1840-е годы (большинство из них вошло в Собрание сочинений 1827 г.), и цикл Одоевского «Русские ночи» (1843).

Первая особенность названных текстов — это отсутствие в них характеров героев. Персонажи очерков Булгарина — обобщенные образы представителей разных общественных типов. В пределах небольшого произведения автору удается с помощью принципа панорамирования описать сразу несколько сословий. Не случайно главным композиционным приемом в его нравоописательных статьях является повтор: каждый раз повествователь оказывается в одной и той же ситуации, из которой выходит с одним и тем же выводом. Например, в очерке «Кабинет журналиста» к журналисту друг за другом приходят бездарный поэт, переводчик, не знающий русской грамматики, тщеславные авторы. Одна сцена сменяет другую, раскрывая отличительные особенности каждого социального типа. Художественный принцип Булгарина наглядно представлен и в «Путешествии из райка в ложу первого яруса». В этом очерке герой-рассказчик наблюдает вместе с другими зрителями из райка за господами. Слуги комментируют пороки людей высшего света, взгляд скользит от одного персонажа к другому. Лишь на мгновение внимание застревает на конкретном человеке.

В других случаях Булгарин посвящает отдельную статью какому-либо общественному типу. Например, в «Модной лавке» рассказывается о дамах, слепо следующих за французской модой, в «Доморощенных мудрецах нашего века» — о невежественных молодых людях, возомнивших себя философами, и т. д. Подобным образом строятся почти все тексты писателя, в том числе и очерки 1840-х годов (см., например, «Ворожею» в «Очерках русских нравов» [Булгарин, 1842, с. 47–63]).

Персонажи Булгарина — это предельно обобщенные образы, которые переходят из одного произведения в другое, меняя фамилии и имена, но не меняя облика.

² О классике как о каноне см.: *Каспэ И.* Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании.* М, 2009. С. 452–489.

Возможно, именно поэтому читатели Булгарина благосклонно принимали сатиру на представителей их же сословий (глупых помещиков, высоколобых обитателей гостиных, жадных и коварных торговцев), так как образы, высмеиваемые автором, — это абстракция.

Булгарин утрирует качества персонажей, словно в лубочных картинках. Использование говорящих фамилий — еще один способ обобщения и упрощения смысла текста. Автору важно донести определенную мысль до читателя любыми способами. С этой точки зрения обвинения современников в заимствовании Булгариным устаревших приемов бьют мимо цели³.

Композиция и система персонажей «Русских ночей» Одоевского гораздо сложнее: «Материал располагается тремя слоями: необыкновенные истории, преимущественно — о “сумасшедших”, искания двух друзей и — надо всем этим — беседы и размышления четырех приятелей» [Манн, с.173]. Выбранная Одоевским художественная форма, по его словам, отсылает не столько к традиции диалогических циклов, сколько к философским диалогам Платона. Автор намеренно использует форму философского спора и устраняет субъект повествования, заменяя нарратив драматической структурой. Тем самым он стремится наиболее объективно представить взгляды четырех героев рамки — Фауста и его друзей.

Однако личностную позицию персонажей читатель «не видит», он скорее «слышит» отдельные мнения. Самосознание героев само по себе как целостная конструкция не интересует автора. Его образ и образы героев олицетворяют отвлеченные понятия: «Фауст — наука, Виктор — искусство, Вячеслав — любовь, Владимир — вера, Я — русский скептицизм» [Одоевский, с.305].

Нет характеров и у героев вставных новелл цикла. Одоевский описывает вымышленных персонажей или переосмысляет в художественной форме биографии всемирно известных гениев: Пиранези, Баха, Бетховена. Его герои — безумцы-романтики, бросающие вызов окружающему миру. Но и в этом случае писатель интересуется не столько индивидуальным миром героев, сколько включенностью последних в неидеальное общество, «пригодностью» их философского взгляда на жизнь. Кроме того, индивидуальность героев переосмысливается в соответствии с общим контекстом философских размышлений четырех друзей, с поиском ответов на вопрос, что есть истина.

Истории, собранные предшественниками Фауста, отражают универсальные жизненные позиции. Пиранези олицетворяет страдание гения, мучающегося от невозможности воплотить свои великие идеи в материальную форму⁴. Экономист и герой «Бригадира» — символы тотального одиночества человека, познавшего «бездну любви» [Одоевский, с.43] и научившегося думать. «Город без имени» и «Последнее самоубийство» демонстрируют невозможность существования идеального общества, построенного по трудам Бентама и Мальтуса. Примеры Бетховена, Баха и импровизатора Киприяно передают мысль о неполноте человеческой

³ См.: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8. М., 1995. С. 20.

⁴ См. слова Одоевского в письме к А. А. Краевскому: «Мысль мне является неожиданно, самопроизвольно и, наконец, начинает мучить меня, разрастаясь беспрестанно в материальную форму, — этот момент психологического процесса я хотел выразить в Пиранези...» [Одоевский В. Ф. *Русские ночи*. Л., 1975. С. 236].

жизни, если она заполнена чем-то одним, будь то наука или искусство. В образах героев вставных новелл универсальное превалирует над индивидуальным.

Уже этот признак заставляет исключить тексты Булгарина и Одоевского из ряда классических, ведь определяющим моментом последних является «глубинная уравновешенность исторически универсального и исторически индивидуального» [Тюпа, с. 111].

Еще одна общая черта текстов писателей — редуцированная фикциональность. Хронотоп в их произведениях не играет значимой для сюжета роли. Портрет, пейзаж, интерьер, временная мотивировка событий здесь второстепенны. Булгарин в поучительных очерках редко интересуется художественным миром героев. Эстетическая функция в его текстах редуцирована, на первый план выходит воспитательная.

В «Русских ночах» художественное пространство и время предельно сужаются: комната Фауста ночью. Одоевский отказывается от психологических мотивировок, а вопрос об истинности вставных новелл, столь важный для диалогического цикла, не является в данном случае релевантным. Кроме того, в «Ночи девятой» автору удается изобразить героев не как лица, а как голоса. Перед лицом Судилища предстают не только персонифицированные образы (Пиранези, Экономист, Бах, Бетховен, Сегелиель), но и собирательные (Город без имени).

Другая особенность нравоописательных очерков Булгарина и цикла Одоевского заключается в статусе, которым обладает их читатель.

Отношение булгаринского рассказчика к внутреннему читателю далеко не однозначно. Автор-повествователь часто высмеивает русскую публику. Например, в драматизированном диалоге «Журналист и Публика» он рисует обобщенный образ своей аудитории. Ее олицетворяет дама «в длинном немецком платье», которая на голове «имела модный французский чепец, на ногах высокие английские башмаки, и сверх платья длинную русскую душегрейку, подбитую сибирским мехом» [Булгарин, 1830, ч. 7, с. 71]. Вздорная и капризная, она требует, чтобы журналист развлекал ее, закрывая глаза на истину, и судит о книжках «по пестроту их обертки» [Булгарин, 1830, ч. 7, с. 76]. В конце беседы повествователь обращается к внутреннему читателю: «Я <...> любопытен знать, что скажет об этом почтенная дама [то есть публика. — Н. С.], которая подала случай к сей статье». Этот сатира заставляет усомниться в безоговорочности репутации Булгарина как слуги публики⁵.

В его нравоописательных статьях читатель занимает двойственную позицию. С одной стороны, автор выражает ему свое почтение (собрание сочинений писатель посвящает «читающей русской публике, в знак уважения и признательности»). С другой стороны, повествователь иронизирует над ним. На наш взгляд, такое противоречие вызывает напряжение у читателя, провоцирует его на ответную реакцию. Рассказчик Булгарина (а вместе с ним и сам автор) предстает человеком, которому можно ответить. При этом у читателя возникает ощущение, что его мнение по-настоящему важно для автора. Это создает иллюзию собственной включенности в литературный процесс⁶.

⁵ О репутации Булгарина — слуги публики см.: Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: Художественный и социальный аспекты // Взгляд молодых. Казань, 2003. С. 203–209.

⁶ О таком восприятии произведений Булгарина свидетельствуют воспоминания реальных читателей, например помещика Андрея Ивановича Чихачева. См.: Головина Т. Голос из публики: Чи-

Читатель очерков Булгарина должен был соответствовать образу просвещенного человека. С этой точки зрения интересна статья писателя «Добро и зло, или Опыты экспериментальной философии». Она имеет эпиграф «Für Wenige», хотя никак не связана с поэтической традицией «невыразимого» и по форме и содержанию не отличается от других текстов. Эпиграф в данном случае является знаком того, что идеальный читатель Булгарина — это представитель тех «немногих», которые умеют различить испорченные нравы окружающих и стремятся соответствовать истинным ценностям.

Булгарин, воспринимавший литературу как самостоятельный социальный институт, стремился выработать собственные принципы общения с читателем. Его нравоописательные очерки находятся на границе между художественным и публицистическим дискурсами. Это вызвано не только особенностями жанра текстов, но и задачей, поставленной в них, — воспитать читателя и утвердить себя в роли нравственного авторитета.

Установка на поиск истины, провозглашенная в «Русских ночах», также влияет на позицию читателя. Он оказывается вовлечен в полилог четырех друзей, каждая новелла для него — иллюстрация определенной мысли. В примечании к «Русским ночам» Одоевский писал: «Мне всегда казалось, что в новейших драматических сочинениях для театра или для чтения недостает того элемента, которого представителем у древних был хор, и в котором большею частью выражались понятия самих зрителей. Действительно, странно сидеть перед сценою несколько часов, видеть людей говорящих, действующих — и не иметь права вымолвить своего слова» [Одоевский, с. 190].

Идея хора как выразителя зрительской позиции была чрезвычайно важна для автора «Русских ночей». Попытка воплотить ее в жизнь отразилась в его ориентации на новый тип читателя. Позиция адресата стала в меньшей степени определяться точкой зрения повествователя (хотя бы потому, что последний периодически исчезал из текста) и обрела большую самостоятельность. Теперь читатель вовлекается в спор героев, и его задача — не столько принять идеологическую позицию одного из них, сколько вынести собственное мнение, которое должно сформироваться самостоятельно, а не под давлением чужого голоса. Только таким путем можно приблизиться к пониманию истины.

Однако Одоевскому не удалось построить полноценный диалог с читателем. Причина этой неудачи заключается в том, что через обезличенных героев писатель обращается к читателю, обладающему индивидуальным сознанием. В результате формируется конфликт на уровне интеллектуального взаимодействия: личность читателя включается в диалогические отношения с миром, где есть интеллектуальные представления-позиции, но за ними не стоят индивидуальные характеры. Для того чтобы этот конфликт исчез, реальному читателю необходимо было бы отрешиться от своей личности, превратиться в некую мыслительную абстракцию. Возможно, позиция такого типа абстракции ближе всего к повествовательной инстанции идеального читателя [Шмид, с. 64].

Одоевский видел в читателе равноправного собеседника и создал текст, который побуждает последнего преобразиться в ходе чтения в адресата-интеллектуала.

татель-современник о Пушкине и Булгарине // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 40. С. 13.

Чтобы это стало возможным, читатель должен быть включен в культурный контекст цикла — понимать, о чем идет речь в тексте, узнавать имена многочисленных ученых и философов. Для этого Одоевский создает фактически на границе художественного пространства особое пространство «пояснения». Он использует многочисленные ссылки, сноски, кавычки, нетекстовые элементы (например, нотную запись), а также вводит в реплики героев поясняющие комментарии. Все это является атрибутами текста, формирующегося за пределами художественного мира «Русских ночей» и одновременно неразрывно связанного с ним. В результате художественное произведение Одоевского разрывает свои границы — оно перестает быть замкнутым на себе. Внимание читателя становится направленным не только на текст, но и на то, что находится за ним. Истинным событием цикла становятся не события в фикциональном мире героев, а возможность «прямой» встречи автора и читателя.

Такое взаимодействие автора и адресата за пределами художественного мира возможно благодаря тому, что главным предметом изображения в цикле является мысль и ее движение. Она получает в тексте Одоевского статус действия.

Задача Одоевского — побудить читателя к философскому поиску истины. Булгарин в своих сочинениях преследует воспитательные цели (в других случаях — вступает в полемику с противниками). Если обобщить вышесказанное, то можно прийти к выводу о том, что неклассическая проза строится на границе художественного и нехудожественного дискурсов. В случае интеллектуала Одоевского — философского, в случае Булгарина — публицистического.

Оба автора слишком определенно описывают облик своего адресата, будь то «любитель нравоучений» или «интеллектуал». Читатель такого текста должен совпасть с предлагаемым ему обликом и испытать эстетическое удовольствие от такого совпадения. Эта коммуникативная установка позволяет предположить, что и Булгарин, и Одоевский, при всем различии их индивидуальных поэтических систем, все еще близки тому типу культуры, для которой эстетическая ценность заключена не в новизне и непредсказуемости, а в узнаваемости. Речь идет о культуре риторической⁷. Начиная с 30-х годов XIX в. постепенно эстетический вектор культуры меняется. Возможно, одним из знаков этого процесса является утрата Булгариным популярности у читателей. Безусловно, и современная культура мало ориентирована на эстетику совпадений, более того — для нее в высшей степени характерна дискредитация и ниспровержение любого идеализирующего начала. Булгарин с Одоевским очевидным образом не соответствуют этим устремлениям.

Тем не менее если представить деятельность этих писателей как осуществление некоего проекта под названием «литература», то отдельные элементы этих опытных проектов оказались востребованы культурой.

В последнее время внимание общественности все больше и больше уделяется произведениям, стоящим на границе художественного и нехудожественного — в первую очередь исторического — дискурсов. В списки литературных премий, во многом формирующих вкусы читателей и присуждающихся, как правило, за худо-

⁷ Концепция риторического типа культуры была разработана в трудах А. В. Михайлова. См.: Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994. С. 362–391; и др. работы.

жественную прозу, попадают нефикциональные тексты, основанные на реальных документах и архивах⁸. Тексты, в которых эстетическая функция весьма условна, воспринимаются носителями культуры как художественные. Конечно, речь не идет о прямых связях между неклассической прозой XIX в. и «неклассическими» текстами XXI в. В данном случае важно обозначить проблему: как меняется феномен «неклассическая проза» с течением времени?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо описать творчество других «неклассических» авторов XIX в., убедиться, что такие признаки, как отсутствие характеров, превалирование общего над индивидуальным, редуцированная фикциональность, неполноценность эстетической функции, перенос события текста в мир читателя, являются основанием для того, чтобы охарактеризовать текст как неклассический. Возможно, это позволит расширить круг тех пограничных с литературой областей, в которые могут быть включены тексты такого типа и которые определяют их отличия от других литературных произведений эпохи.

Литература

- Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Хабаровск: ХГПУ, 2002. 183 с.
- Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1995. 728 с.
- Булгарин Ф. В. Собрание сочинений: в 12 т. СПб., 1830.
- Булгарин Ф. В. Ворожея // Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. С. 47–63.
- Булгарин Ф. В. О цензуре в России и книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 45–47.
- Головина Т. Голос из публики: Читатель-современник о Пушкине и Булгарине // Новое литературное обозрение. 1999. Вып. 40. С. 11–16.
- Дубин Б. Классика, после и вместо: о границах и формах культурного авторитета // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 437–451.
- Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 281–293.
- Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.
- Кондаков Б. В., Кондаков И. В. Классика в свете ее современной интерпретации // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: МГУ, 1991. С. 20–48.
- Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 382 с.
- Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: МГУ, 1991. С. 53–67.
- Михайлов А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII–XIX веков // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: МГУ, 1991. С. 149–164.
- Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / под ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 362–391.

⁸ Первая премия «Большой книги-2010» досталась П. Басинскому за роман «Лев Толстой: бегство из рая», представляющий не что иное, как биографию классика. В число финалистов «Русского Букера-2014» вошла Н. Громова с романом «Ключ. Последняя Москва», основанном на воспоминаниях и дневниковых записях интеллигенции начала и середины XX в. В короткий список премии «Национальный бестселлер-2015» вошел «биороман» (иными словами, автобиография) Т. Москвиной «Жизнь советской девушки». Нобелевскую премию по литературе в 2015 г. получила С. Алексиевич, чьи произведения стоят на границе художественной и документальной прозы.

Одоевский В. Ф. Русские ночи / подгот. изд. В. Ф. Егорова, Е. А. Маймина, М. И. Медовой. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Тюпа В. И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: МГУ, 1991. С. 109–120.

Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: Художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых / под ред. А. Н. Андромонова. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 203–209.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.

Для цитирования: Сергеева Н. А. К вопросу о признаках неклассической прозы: Ф. В. Булгарин и В. Ф. Одоевский // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 64–73. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.308.

References

Akimova N. N. *F. V. Bulgarin: Literaturnaiia reputatsiia i kul'turnyi mif* [Bulgarin: Literal Reputation and Cultural Myth]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical Univ. Publ., 2002. 183 p. (In Russian)

Belinsky V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Collection of Works: In 13 vols]. Vol. 8. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1995. 728 p. (In Russian)

Bulgarin F. V. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected Works: In 12 vols]. St. Petersburg, 1830 (in Russian)

Bulgarin F. V. Vorozheia [Vorozheya]. Bulgarin F. V. *Ocherki russkikh nravov, ili Litsevaia storona i iznanka roda chelovecheskogo* [Essays on Russian Habits, or Front and Back of the Humankind]. St. Petersburg, E. Prats Publ., 1843, pp. 47–63. (In Russian)

Bulgarin F. V. O tsenzure v Rossii i knigopechatanii voobshche [On Censorship in Russia and Book Printing in General]. *Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie* [Vidok Figlyarin: Letters and Agent Notes of F. V. Bulgarin to the III Department]. Moscow, New literary observer Publ., 1998, pp. 45–47. (In Russian)

Dubin B. Klassika, posle i vmesto: o granitsakh i formakh kul'turnogo avtoriteta [Classics, After and Instead: On the Boundaries and Forms of Cultural Authority]. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classic Writers in Social Knowledge and Humanities]. Moscow, New literary observer Publ., 2009, pp. 437–451. (In Russian)

Fedorova Z. V. Massovaia literatura v Rossii XIX veka: Khudozhestvennyi i sotsial'nyi aspekty [Mass Literature in Russia in XIX Century: Literal and Social Aspects]. Ed. by A. N. Andramonova. *Russkaia i sopostavitel'naia filologiya: Vzgliad molodykh* [Russian and Comparative Philology: Views of Young People]. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 2003, pp. 203–209. (In Russian)

Golovina T. Golos iz publiky: Chitatel'-sovremennik o Pushkine i Bulgarine [Voice from the Public: A Reader-Contemporary about Pushkin and Bulgarin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 1999, vol. 40, pp. 11–16. (In Russian)

Kaspe I. Klassika kak kollektivnyi opyt: literatura i teleserialy [Classics as Collective Experience: Literature and Serials]. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classic Writers in Social Knowledge and Humanities]. Moscow, New literary observer Publ., 2009, pp. 452–489. (In Russian)

Kondakov B. V., Kondakov I. V. Klassika v svete ee sovremennoi interpretatsii [Classics and its Modern Interpretation]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and Modern Times]. Eds. P. A. Nikolaev, V. E. Khalizev. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1991, pp. 20–48. (In Russian)

Mann I. V. *Russkaia filosofskaia estetika* [Russian Philosophical Aesthetics]. Moscow, MALP Publ., 1998. 382 p. (In Russian)

Markovich V. M. K voprosu o razlichenii poniatii “klassika” i “belletristika” [On Differentiating “Classics” and “Belles-Lettres”]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and Modern Times]. Eds. P. A. Nikolaev, V. E. Khalizev. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1991, pp. 53–67. (In Russian)

Mikhailov A. V. Sud'ba klassicheskogo naslediia na rubezhe XVIII–XIX vekov [Destiny of Classic Heritage at the Turn of 18–19 Centuries]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and Modern Times]. Eds. P. A. Nikolaev, V. E. Khalizev. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1991, pp. 149–164. (In Russian)

Mikhailov A. V. Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoi epokhi [Poetics of Baroque: The End of Rhetoric Epoch]. *Istoricheskaiia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical Poetics. Literal Epochs and Types of Literal Thinking]. Ed. by P. A. Grintserd. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 362–391. (In Russian)

- Odoevsky V.F. *Russkie nochi* [*Russian Nights*]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 317 p. (In Russian)
- Schmid W. *Narratology*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 302 p. (In Russian)
- Тура V.I. Mezhdru arkhaiskoi i avangardom [Between Archaism and Avant-Gardism]. *Klassika i sovremenost'* [*Classics and Modern Times*]. Eds. P.A.Nikolaev, V.E.Khalizev. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1991, pp.109–120. (In Russian)
- Zenkin S. Gumanitarnaia klassika: mezhdru naukoj i literaturoj [Human Classics: Between Science and Literature]. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [*Classics and Classic Writers in Social Knowledge and Humanities*]. Moscow, New literary observer Publ., 2009, pp.281–293. (In Russian)
- For citation:** Sergeeva N.A. Revising the Characteristics of the Non-Classical Prose: F.V.Bulgarin and V.A.Odoevsky. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 64–73. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.308.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Сергеева Надежда Александровна — выпускающий редактор, литературный обозреватель;
nadia_sergeewa@mail.ru

Sergeeva Nadezhda A. — Executive Editor, literary columnist; nadia_sergeewa@mail.ru